

По Восточной Сибири. В Якутске и в Иркутске

Электронная версия: В. Есаулов, январь 2006 г. (по изданию: И. А. Гончаров. "Фрегат "Паллада", Ленинград, 1986).

Лет тридцать с лишком тому назад [1] я провел два месяца, с конца сентября до конца ноября, поблизости полюса, - северного конечно. Это - в Якутске, откуда до полюса рукой подать. Я писал об этом областном городе в очерках своего кругосветного плавания - и не угрожаю читателю возвращаться к новому описанию.

Правду сказать, и нечего описывать. Природа... можно сказать - никакой природы там нет. Вся она обозначена в семи следующих стихах, которыми начинается известная поэма Рылеева "Войнаровский":

На берегу широкой Лены
Чернеет длинный ряд домов
И юрт бревенчатые стены.
Кругом сосновый частокол
Поднялся из снегов глубоких,
И с гордостью на дикий дол
Глядят верхи церквей высоких.

И только.

Напрасно я в своих очерках путешествия силился описывать Якутск, - я полагаю, что силился. А навести справку, заглянуть в книгу, да еще свою, - меня на это не хватает. Стоило бы привести эти семь стихов - и вот верный фотографический снимок и с Якутска и с якутской природы.

- Да это и в Петербурге все есть, - скажет читатель, - и широкая река, снегу - вдоволь, сосен - сколько хочешь, церквей тоже у нас здесь не мало. А если заглянуть на Петербургскую или Выборгскую стороны, то, пожалуй, найдешь что-нибудь похожее и на юрты. О гордости и говорить уж нечего!

Для полноты картины не хватает в Петербурге якутских морозов, а в Якутске - петербургских оттепелей.

Петербург, пожалуй, может еще похвастаться, что иногда отмораживает щеки извозчиков и убеляет снегом их бороды, - но куда до Якутска. Зато уже Якутск пас перед Петербургом насчет оттепелей.

И то и другое весьма естественно: Якутск лежит под 62° северной широты, и Петербург ушел от него: он расположен под 61°.

Но я изменяю обещанию не описывать якутской природы. Если я в путешествии моем вдался в какое-либо описание, а не привел, для краткости, вышеозначенных изобразительных стихов, то это вовсе не оттого, что я не знал или не помнил этого начала поэмы. Напротив, я помню, что, подъезжая к городу, я декламировал эти стихи; а не привел их, как принято выражаться в печати, - "по не зависящим от автора обстоятельствам". Приводить что-нибудь из Рылеева - даже такое простое описание природы - тогда было неудобно. [2]

Но бог с ней, с мертвою, ледяною природой! Обращусь к живым людям, каких я там нашел.

Сколько холодна и сурова природа, столько же добры и мягки там люди. Меня охватили ласка, радушие, желание каждого жителя наперерыв быть чем-нибудь приятным, любезным.

Я не успел разобраться со своим спутником с корабля, как со всех сторон от каждого жителя получил какой-нибудь знак внимания, доброты. Я широко всем этим пользовался, не потому, чтобы нуждался в чем-нибудь. Собственно для моих нужд и даже прихотей совершенно достаточно было двух моих чемоданов-сундуков и моего спутника: *omnia mecum portabam** [* - все своё носил с собою - лат.]. Но я так же тепло принимал все эти знаки радушия, как тепло они предлагались. Я видел, что им самим нужнее было одолжить меня, чем мне принимать одолжение, - и это меня радовало, как их радовало одолжать.

В самом деле, сибирские природные жители добрые люди. Сперанский [3] будто бы говаривал, что там и медведи добрее уральских, то есть европейских. Не знаю, как медведи, а люди в самом деле добрые.

Я в день, в два перезнакомился со всеми жителями, то есть с обществом, и в первый раз увидел настоящих сибиряков в их собственном гнезде: в Сибири родившихся и никогда ни за Уральским хребтом с одной стороны, ни за морем с другой - не бывших. Петербург, Москва и Европа были им известны по слухам от приезжих "сверху" чиновников, торговцев и другого люда, как Америка, Восточный и Южный океаны с островами известны были им от наших моряков, возвращавшихся